

Метафизика марксизма: генезис и последствия

Автор:

Геворкян Артур Рудольфович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории медицины Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова.

Дата и место публикации:

2019.02.25, портал Центра гуманитарных научно-информационных исследований ИНИОН РАН.

Аннотация. Статья посвящена выявлению теоретических источников марксизма. Исследуется отношение марксизма к немецкому идеализму, просвещенческой парадигме, а также к позитивизму с его «методологической» проблематикой. Осуществляется критика ленинской концепции «Трёх источников и трёх составных частей марксизма». Автор настаивает на понимании марксизма как метафизического принципа мышления. Кризис марксизма связан с отказом от метафизических интенций мысли.

Хотя феномен Октябрьской революции находится в эпицентре жесткой идеологической конфронтации, он нуждается в своем объективном анализе и в понимании эпохальной значимости события столетней давности. И на это имеются серьезные основания. Ныне Октябрь во временном плане уже исторически дистанцирован от нас. Именно по этой причине становится возможным (вне контекста каких-либо мифологем) определить его как главное событие XX века. И здесь зачастую мы сталкиваемся с непониманием значения Октября, поскольку главный «довод» сводится к тому, что Россия была не готова к социализму, и революция искусственно форсировала этот переход. Но в данном случае мы имеем дело с механистическим подходом, генетически связанным с просвещенческой парадигмой. Суть сказанного сводится к следующему. Здесь задан упрощенный взгляд на формационный принцип, взятый в разрыве с цикличностью исторического развития. Кроме того, при таком однобоком понимании формационного принципа развитие отождествляется с прогрессом со всеми вытекающими последствиями. Отсюда и следует линейность и примитивизация исторического процесса.

Однако с позиции историзма, исторической философии, формационные принципы нераздельно связаны с цикличностью. При таких теоретических установках развитие дано во всей своей сложной многообразности. Такие основания развития, выступающие в неразрывном единстве цикличности и формационных начал, существенно переиначивают картину мировой истории. Здесь уже определяющим является диалектический принцип познания действительности, который применительно к историзму выходит на уровень предельных обобщений, метафизических в своих основаниях, и одновременно смыслополагающих начал истории.

В контексте сказанного это означает, что в процессе сложного циклического характера становления истории формационные изменения не столько связаны с уровнем развития конкретно взятой страны, сколько движимы общими тектоническими сдвигами, определяющими собою необходимость перехода на новый уровень жизнедеятельности. Данное обстоятельство есть не следствие

констатации эмпирических фактов, а связано с закономерностями исторического принципа развития.

Здесь необходимо привести пример события огромной значимости. Германские и славянские народы, миновав «классическую» фазу развития рабовладения, перешли сразу к феодализму, что обеспечило им во многом ведущие места в последующих исторических событиях. Если бы они искусственно остановились в своём движении вперед и решили повторить «классический формационный принцип», уподобляясь Египту, Греции и Риму, то к чему бы это привело? Они были бы отброшены на задворки истории или послужили бы этнографическим материалом для других народов. В любом случае они оказались бы «навозом» истории.

То же самое произошло при переходе от капитализма к социализму с Россией, славянскими народами и народами Восточной Европы. Старый путь «классического» развития капитализма, где образцовыми выступали англосаксонские страны, был исчерпан в первой половине XX столетия. Над этими народами нависла опасность схождения с исторической арены при попытке повтора «классического» пути. И здесь мы опять имеем закономерности развития общемирового характера. Капитализм свой восходящий потенциал исчерпал в XX столетии. Однако знаменосцами прорыва за его пределы оказались народы, не успевшие «доразвиться» при нём и объективно заинтересованные в альтернативном пути развития, который должен был привести их к определяющей роли в мировой истории при переходе к качественно новым формам обустройства общества. Таким образом, дух истории при этом судьбоносном повороте мировой истории выбрал себе знаменосцами те народы, которые отнюдь не находились на вершине «развитого» капитализма, а будучи отброшенными на периферию, смогли двинуть историю в ином направлении.

Что касается второго аргумента против Октябрьской революции, то и он должен быть отнесён к механистическому мировоззрению. Речь идет о т.н. несостоятельности социализма, поскольку он, дескать, «навсегда сошёл со сцены». На деле такая постановка вопроса реально не выдерживает критики. Новое никогда наскоком кавалерийской атаки не берёт верх над старым. Старое, даже изжив себя, будучи перезрелой формой уходящего, на первых порах берёт вверх над новым, за которым будущее, но наличная данность которого ещё является незрелой, и временно уступает старому. Достаточно сослаться на последний исторический факт становления капитализма. Формационно появившись на рубеже XV и XVI веков, ему очень поздно пришлось в полной мере утвердиться в месте своего появления — Западной Европе. Английской революции 1648 года не удалось изменить что-либо существенным образом, в общеевропейском масштабе. И даже великая революция 1789 года не смогла безоговорочно утвердить господство капитализма на западноевропейском континенте. Произошедший откат назад был преодолен только революционными событиями 1848 года. И только после 1848 года капитализм в своей зрелой форме начинает в полной мере торжествовать в самой Западной Европе.

Что касается России и других народов, вместе с нею двинувшихся к социализму, то тот период истории, который в формационном плане должен быть назван догоняющим, завершился в конце XX столетия. Означает ли это, что первая стадия становления социализма именно в силу своей первичности была обречена на провал, или же был возможен вариант, при котором догоняющая фаза путем прорыва на новые рубежи могла обеспечить возможности дальнейшего восходящего развития? Вопрос этот чрезвычайно сложен и однозначному ответу не подлежит. Как уже было сказано, новое одним фактом своего появления не может обеспечить своё дальнейшее существование прямолинейно, т.е. без срывов, минуя закономерности отрицания отрицания. Но не становясь на механистическую точку зрения, также нельзя отрицать саму такую возможность с позиции диалектического понимания принципа историзма. По крайней мере, для нашего времени, периода временного отката социализма, необходимо осмыслить причины случившейся катастрофы. Каковы были они на деле? Ещё раз надо оговориться, что попытка понять суть происшедших эпохальных событий не отменяет такого фундаментального положения, что новое без срывов сразу утвердиться не может, или же этот гипотетический вариант остаётся весьма маловероятным.

На наш взгляд, идейный кризис огромной силы, который потряс до основания марксизм и роковым образом сказался на судьбах дивергентного социализма, был заложен в самом его основании. Речь идет о сочетании в нём по определению несочетаемых начал: германского классического идеализма и французского просвещения. Германская философия реанимировала принцип историзма. Сошедший на нет после патристики и вновь реабилитированный, он превратился в действенное орудие философской рефлексии, пытавшейся стать преобразующей силой, менявшей мир. Тем самым философия в лице Шеллинга и Гегеля оказалась направленной в проективное русло. Сила действия импульсов, исходящих от исторической философии, оказалась настолько велика, что даже имевшая место пертурбация марксизма в сторону сперва пантеизма, а потом и материализма, не лишила его высоких импульсов эсхатологического духа. Именно поэтому марксизм там, где он неразрывно связан с гегельянством, навсегда остался перевёрнутой формой теологического сознания, трансформировавшегося в секуляризированный способ миропонимания.

Что касается французского просвещения, старшего современника классического германского идеализма, он изначально оказался антагонистом по отношению к последнему. По крайней мере в лице исторической философии Фихте, Шеллинга и Гегеля просвещение приобрело непримиримого противника. Здесь необходимо остановиться на исторических составляющих просвещения и германского идеализма и рассмотреть их в целом сквозь призму Духа своего времени.

Французское просвещение с самого начала выступало против феодализма со всей решительностью и категоричностью. Эмансипация сознания и дальнейшее восходящее развитие объективным образом оказались связанными с ним. Парадигма нового времени, изначально заданная на секуляризацию духовных установок формировавшегося новоевропейского сознания, окончательно и с новым историческим качеством была завершена именно просвещением. В связи

со сказанным необходимо остановиться на одном очень важном моменте, сформировавшем духовный арсенал просвещения на все оставшиеся времена. Речь идет о том, что церковь как социальный институт (именно только в этой ипостаси) отождествила себя с монархической формой правления, не имея на это никаких оснований ни в Священном Писании, ни в Священном Предании. Это во многом определило её дальнейшую судьбу как рупора отживших исторических классов, благословляемых ею на борьбу со всем новым, даже если это новое в конечном счёте было более адекватно изначальным импульсам христианства. Причем, если монархические партийные установки тянули французскую церковь обратно к феодализму, то русская церковь была готова полностью принять капитализм при внешней форме его монархического оформления.

Это обстоятельство сыграло исключительную роль в дальнейших судьбах не только просвещения, но всей последующей истории. Тем самым секуляризация новоевропейского сознания приобрела чётко выраженный характер воинствующего материализма. Отныне и на все оставшиеся времена любые интенции религиозного откровения отождествлялись с церковным мракобесием и клерикализмом. Такая рассудочность сознания закрывала двери перед Духом и делала невозможным понимание Разума как такового.

Именно поэтому точкой отсчёта историзма германского классического идеализма становится преодоление рассудочности просвещения.

Немецкий классический идеализм в лице Фихте, Шеллинга и Гегеля вновь актуализирует принцип историзма и превращает его в действенное орудие как своих теоретических изысканий, так и деятельности, направленной на изменение онтологического статуса мироздания. Такая глобальная постановка по сути реабилитировала сакральную составляющую религиозности (каковая полностью отсутствовала в духовных измерениях просвещения) и вернула христианство в русло своего исторического прочтения. Без реабилитации высокого значения христианства, выявления его вечного содержания было бы невозможно понять временные интервалы бытия человека, наделённые историческим смыслом существования. Историзм, историческое измерение истории, самое понятие истории как некоей заданности человеку в высшем его значении выводит его за пределы бесконечного круговорота, вращения без начала и конца, без осмысленности самого этого процесса. История в своем метафизическом основании была впервые дана человеку христианством, и через христианство она навсегда становится смыслом его существования. Это и есть главная идея германского классического идеализма, ставшая основанием всех историософских построений Фихте, Шеллинга и Гегеля. История становится историей только благодаря исторической значимости, историчности бытия.

Именно через принцип историзма Фихте, Шеллинг и Гегель выходят на проблему Разума. Тем самым и происходит снятие просвещенческой парадигмы классическим идеализмом. Отсюда Разум истории становится проекцией Абсолюта. Последнее понимание Разума как проекции Абсолюта делает невозможным возврат к просвещению после выхода на метафизические рубежи исторической философии.

В историческом понимании просвещение является изжившей формой сознания, оказавшейся связанной не с самим феноменом классической философии, а с духовными интенциями её антагониста — позитивизма. Антиметафизические установки позитивизма нашли себе благодатную почву в антиметафизической настроенности просвещения. И этот тандем «просвещение — позитивизм» стал той реальной силой, которая обрушилась на абсолютный идеализм, желая любой ценой уничтожить его. К чему привёл излом хребта абсолютного идеализма и каковы его реальные последствия, иллюстрирует в полной мере уже наше время. «Завершившаяся» в первые десятилетия XXI столетия философия сопровождалась всё большим и большим погружением человечества в животное состояние «души ощущающей», на фоне чего и просвещение и позитивизм смотрятся чуть ли не классическим образом.

Для того чтобы понять, каково место марксизма в этих сложнейших процессах, начавшихся в XVIII столетии и дошедших до XXI столетия и действовавших в нём, необходимо обратиться к статье Ленина «Три источника и три составных части марксизма». Значение этой небольшой статьи нельзя недооценить в интересующем нас вопросе. Ленин под тремя источниками и тремя составными частями марксизма подразумевает немецкую классическую философию, английскую классическую политэкономию и французский утопический социализм. Однако можно ли согласиться со всеми этими положениями, даже если они внешне не лишены определенной стройности? На деле вся эта конструкция не столь и действительна, она не отражает реального положения вещей ни в философии, ни в политэкономии, ни в утопическом социализме, ни в самом марксизме. Утопический социализм никак не может быть так однозначно отнесен к французской составляющей. С точки зрения научности строяемой системы и даже её некоей эсхатологичности по отношению к грядущему социализму Марксу ближе Роберт Оуэн, нежели Сен-Симон. Это тем более важно подчеркнуть, что рассудочность построений Сен-Симона, неразрывно связанная с просвещенческой парадигмой, оказалась той самой «потребительской составляющей в социализме», что сыграла столь роковую роль в судьбе марксизма в конце XX столетия. Марксово положение о философии, долженствующей изменить мир, напрямую связано с классическим идеализмом Гегеля, а опосредовано, может быть, даже и с Шеллингом. Но если его рассмотреть как некую проекцию мысли, заданную уже в утопическом социализме, то предшественником Маркса в этом вопросе является именно Оуэн.

Так же вопрос повисает и в связи с классической английской политэкономией. Если классическую политэкономия полностью свести к английским началам, то как быть в таком случае с Франсуа Кенэ, по отношению к которому выступал учеником и оппонентом сам Адам Смит? Если даже и развести в разные стороны Кенэ и Смита, что будет иметь искусственный характер, то и в этом случае значение Кенэ велико. Достаточно сослаться на то, что Кенэ чуть ли не первым поставил перед собой задачу выявить экономические основы разделения на классы, а также на то, что он одним из первых в своём учении о «чистом продукте» пришёл к пониманию прибавочного продукта.

Историческая значимость Кенэ в становлении классической политэкономии не менее значима, чем значение Смита и Рикардо.

Что касается германского классического идеализма, то и здесь имеются исторические нестыковки, которые оказались не адекватными положению вещей. Ленин называет германскую составляющую не классическим идеализмом, а классической философией. На самом деле речь идёт не о формальной составляющей равновеликих понятий. Лениным дано более «широкое» терминологическое понимание, обусловленное идеологическими соображениями. Поскольку марксизм — это мировоззрение «воинствующего материализма», то в силу такой логики в самой классической философии наряду с идеалистами обязательно должен присутствовать и материалист, каковым и стал Фейербах. Т.е. по идеологическим соображениям в один ряд с Кантом, Фихте, Шеллингом и Гегелем оказывается поставленным один из младогегельянцев, как якобы представитель классического направления в философии и её завершающее звено. Если до этого и помимо этого идеологического направления понятия классического идеализма и классической философии имели тождественное смысловое значение, то в марксизме и, окончательно систематизированным образом, у Ленина они растождествляются. Тем самым классическая философия становится неправомерно «шире» классического идеализма.

Однако эта идеологема, «протолкнувшая» в ряды классической философии материалиста, в конечном счёте, можно сказать, обернулась против марксизма. «Партийный» подход, проявленный по отношению к сложным теоретическим и историко-философским вопросам, привел к неадекватной недооценке личности Маркса и Энгельса. Ни в коем случае не приуменьшая значение Фейербаха как выдающегося и неординарного мыслителя, вышедшего из гегельянства, надо сказать, что связь Маркса и Энгельса с Гегелем не была опосредована Фейербахом как необходимой ступенью становления марксизма, а была прямой. Суть сказанного сводится к тому, что и без Фейербаха Маркс и Энгельс обязательным образом должны были состояться. Более того, самым крупным феноменом, вышедшим из гегельянства, оказался марксизм. В марксизме и через марксизм реализовался в новых исторических условиях принцип историзма Гегеля. Именно благодаря Марксу и Энгельсу трансформированный в новое содержание историзм играет ключевую роль в дальнейших судьбах человечества. В этом отношении не только в левом, но и в правом гегельянстве в самой Германии не оказалось никого равного Марксу и Энгельсу.

Выше было оговорено, что на Маркса опосредованно мог повлиять также и Шеллинг. По свидетельству Булгакова, Маркс и Энгельс не знали Шеллинга. Скорее всего, это незнание было прямым следствием нежелания знать. Сохранилось свидетельство, что после прослушивания курса лекций позднего Шеллинга Энгельс презрительно-холодно охарактеризовал последнего как «философа во Христе». Здесь исключительно важно подчеркнуть, к чему приводит зашоренность сознания и попытка определить своё мировоззренческое кредо сквозь призму партийности, даже если речь идёт о великих умах. Это обстоятельство сыграло злую шутку с Лениным и Энгельсом. В результате Ленин недооценил Маркса и Энгельса, прямо выходящих их Гегеля, и в

теоретическом плане не нуждавшихся в Фейербахе как опосредствующем звене, а Энгельс не осознал, что более высокой оценки, данной им Шеллингу, просто быть не может.

Завершая анализ «Трёх источников и трёх составных частей марксизма», необходимо задаться последним вопросом. С чем же сообразывался Ленин, выстраивая свою концептуальную линию в данном направлении? Скорее всего, им руководила определённая идеологическая мифологема, суть которой сводится к следующему. Три ведущих великих народа Западной Европы внесли, каждый по-своему, весомый вклад в сокровищницу социалистической мысли.

Однако каковы реальные источники и составные части марксизма, если применить ленинскую терминологию к данному вопросу? Не впадая в мистику чисел, необходимо тоже выделить три таких направления. Скорее всего, ими являются, кроме классического идеализма, всё то же французское просвещение, а также разношёрстный позитивизм, из которого особенно надо выделить Конта. Не занимаясь конструированием искусственных схем, вместе с тем необходимо определяющим образом выделить воздействие идей Гегеля, которое позволило марксизму стать действенным инструментарием преобразовательной деятельности, заданной в масштабах всего мира. Именно тут кроются революционные истоки идей, ставших силой, изменяющей наличную данность в духе Гегелевой парадигмы «всё действительное разумно, всё разумное действительно». В связи со сказанным необходимо заметить, что определяющим является следующее обстоятельство. Классический идеализм не может рассматриваться только как *один из* составляющих принципов марксизма. По отношению к последнему он является однозначно *определяющим* фактором. Всё остальное, т.е. просвещение и позитивизм, своеобразным образом наслаивается на него, не оказываясь по степени своей значимости равным ему. Только такое положение вещей позволило марксизму на определённых этапах оказаться главной движущей силой, изменяющей историю посредством её перевода на более высокую фазу развития.

Каково было реальное воздействие просвещения на марксизм? Со всей однозначностью необходимо сказать, что в теоретическом плане оно не повлияло существенным образом на его становление. Скорее всего, здесь сказалось воздействие на мировоззренческую картину мира в целом. Речь в первую очередь идёт о «борьбе с поповщиной» и некоей идее прогрессизма, аисторической в своём содержании, но невидимой и недопонятой в этой ипостаси ни современниками просвещения, ни людьми XIX столетия. Влияние просвещения также могло сказаться усилением неких духовных интенций в сторону материализма, и без того имевших место в самом марксизме в процессе его трансформации из пантеизма в идеологическим образом выдержанный материализм.

Резюмируя вышесказанное и подводя итог взаимоотношениям марксизма и просвещения, необходимо ещё раз вновь остановиться на уже приведённых положениях. Марксизм вышел на арену общественной мысли, когда германский классический идеализм посредством снятия французского просвещения сделал невозможным возврат к его теоретическим истокам. Именно в силу данного положения теоретическая база марксизма превалирующим образом оказалась

связанной с гегельянством. Что касается влияния просвещения на становление материализма в марксизме, то, как уже было сказано, этот факт не может быть решающим, поскольку логика развёртываемой мысли вела именно к такому положению, исходя из существа самого гегельянства. Историческая значимость гегельянства была дана тем, что развитие принципа историзма не могло состояться на пантеистической основе. Логика гегелевской мысли вела к тому, что историческая философия могла появиться или на почве теизма, но на ином уровне развития, или же должна была быть трансформирована в атеизм.

Таким образом, связь марксизма с просвещением оказалась данной только в области идеологических конструкций «борьбы с мракобесием и поповщиной», в отождествлении идей развития и прогресса, и всего иного, находящегося в русле такого понимания. К сказанному необходимо добавить также и то, что духовная ситуация времени вновь делала модным, в том числе и в области мысли, всё французское. После падения классического идеализма великое наследие Фихте, Шеллинга и Гегеля в общественном сознании во многом стало преломляться сквозь клише всяческих идеологем и мифологем наподобие «проявления агрессивности прусского духа», «прусской военщины» и тому подобного. При таких духовных условиях всякая мысль, претендующая на «прогресс и демократию», должна была по определению откеститься от классического наследия и примкнуть к «передовой французской мысли». Метафизичность уступила своё место остроумию. Отношение Маркса и Энгельса к наследию просвещения вполне могло носить характер этой закрепившейся парадигмы, ставшей зеркалом целой эпохи.

Завершая рассуждения о взаимодействии марксизма с другими формами общественного сознания, необходимо также остановиться на позитивизме. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что отношения марксизма с позитивизмом имели самый сложный и всё ещё до конца не выявленный характер. Если во временном аспекте марксизм выступил преемником и по отношению к классическому идеализму, и по отношению к просвещению, то становление его самого протекало приблизительно в одно время с позитивизмом.

Внешнее сходство с наследием просвещения и классической философии не выявляет внутренних интенций ни марксизма, ни позитивизма. Общая точка, в которой сходятся и марксизм и позитивизм, — это проблема метафизики как таковой. Именно это обстоятельство и приводит к путанице в решении этого вопроса. При всей внешней близости внутреннее отношение к метафизике очень сильно разнится у обоих направлений. Позитивизм оказывается мощным подспорьем просвещению, поскольку в «философском» плане завершает его. Благодаря ему «острословие» уступает своё место так называемой «методологии». Более того, в теоретическом плане первый серьёзный удар по философии был нанесен именно позитивизмом. Позитивизм пытается уничтожить философию, лишая последнюю её исконной составляющей — метафизичности мышления, идеальных форм мысли, нацеленной на обобщение предельных оснований бытия. В этом отношении уничтожается стержневая составляющая метафизической философии, сконцентрированной в вопросе «что» как средоточии онтологических проблем бытия и сущего и ценностнополагающих аспектов их осмысления. Просвещение не было готово на

таким серьезном уровне ставить вопросы о «неадекватности» метафизического способа миропонимания, из чего прямо вытекала бы «ненужность» самой философии. За него это сделал позитивизм. Здесь не место рассматривать вопрос об адекватности философии в качестве «методологии знания» для науки и рассуждать о правильности постановки вопроса в таком русле с сугубо научной точки зрения. Главное, и это действительно является определяющим, существование философии было взято под сомнение в своих основаниях и всеохватным образом. Этот первый и очень чувствительный удар имел далеко идущие последствия для философии. Лишившись своего метафизического ядра, философия повисла в воздухе и через позитивистскую деонтологизацию пришла к самоуничтожению в постмодернизме.

А каким было положение дел в марксизме? В своём отношении к историческому наследию философии марксизм был максимально близок к классическому идеализму через гегельянство и столь же далёк от просвещения. Вопрос «что» сохранял всю свою безотносительность и непререкаемость и для марксизма. Все его метаморфозы начались с попыток развести в разные стороны метафизику и вопрос «что». И здесь начинаются идеологические конструкции, которые входят в противоречие с научными построениями марксизма. Разногласия с метафизикой имели исключительно идеологический характер. Метафизика изначально нацелена на предельные основания бытия, и именно поэтому затрагивает также проблему запредельного — сущего, или Абсолюта.

Для марксизма проблема Абсолюта была совершенно неприемлема, поскольку он полагал, что через Абсолют «контрабандным путём» в философию вновь возвращаются идеализм и религия. Отсюда и его воинствующая неприязнь к метафизике, но сугубо метафизического характера, не отрефлексированная и от этого имеющая догматическую «настроенность». Речь идёт о том, что в марксизме всю свою онтологическую значимость сохраняет вопрос «что». Поэтому все выпады марксизма против метафизики не сближают его с позитивизмом, поскольку в вопросе «что» он остаётся антагонистом позитивизма. В этой решающей составляющей, при всей внешней близости к позитивизму в деле неприятия метафизики, марксизм содержательно с ним никак не связан.

Марксизм сближается с позитивизмом по другому поводу и там, где, казалось бы, он наиболее близок гегельянству. Речь идет о т.н. снятии философии, когда она, перестав быть собою и став частью научного знания, тем самым приобретает возможности для своего бесконечного развития, предварительно изменившись в своей исконной значимости. Если формально подойти к данному вопросу, то речь идёт о сугубо гегелевском подходе диалектического развития через снятие и отрицание отрицания. Однако это внешнее сходство содержательно не связано с гегельянством, поскольку здесь задана сугубо позитивистская парадигма превращения философии в «методологию научного знания». Эта позитивистская компонента в марксизме так и осталась нереализованной. Философия со своим вопросом «что» находится в сложных отношениях с наукой, для которой определяющим является вопрос «как». Схождение на нет философии, или же её т.н. «снятие» в деле превращения в «методологию», не может привести к уничтожению вопроса «что» или его трансформации в научное «как». На деле

вопрос «что» сам по себе индуцирует догматическую и некритическую форму метафизики внутри самого естествознания, что свидетельствует о принципиальной «неснимаемости» философского знания как такового. Сохраняя вопрос «что», марксизм тем самым сближается с классической философией, а позитивизм со своей деонтологизацией реально становится «методологической базой» просвещенческой парадигмы.

Можно ли будет в таком случае говорить о марксизме в его отношении к классическому идеализму, просвещению и позитивизму как о его трёх источниках и трёх составных частях? Это будет так же неадекватно, как особо выделять немецкую классическую философию, английскую политэкономия и французский утопический социализм в духе Ленина. И вот почему. С каждым из этих «источников и составных частей» (классический идеализм, просвещение, позитивизм) марксизм связан отдельным образом, но все вместе они не сводимы к органическому целостному началу за невозможностью это сделать.

Тогда почему именно марксизм вышел на первые роли после гегельянства и сыграл такую огромную роль в мировой истории? Не сводя на нет значение самого марксизма, необходимо вместе с тем указать на духовную ситуацию времени, сделавшую это возможным. Исторические построения Гегеля и Шеллинга пришлись на период торжества идей буржуазного прогресса и технологического прорыва, который позволил выйти на новый экономический уровень развития. Резкое ускорение времени в координатах научно-технического прогресса привело к качественному изменению всей составляющей общественного бытия, включая и общественное сознание. Время, измеряемое в категориях прогресса и его резкого убыстрения, объективным образом оказалось направленным против исторического времени с его эсхатологическим настроением и устремлённостью в будущее. «Прогресс» как категория научно-технического понимания времени заложил основы того самого «сегодня», которое заслонило собою будущее и попыталось придать себе надвременный характер, тем самым выпадая из исторического измерения. Эти процессы, происходящие в материальной сфере производственной деятельности людей, не могут быть адекватно поняты вне своей духовной составляющей.

Завершение классического германского идеализма в своих конечных результатах не совпало с духовными установками Шеллинга и Гегеля. Шопенгауэр возвращается к Канту, замыкая круг, начатый Кёнигсбергским мыслителем. Отсутствие принципа историзма достигает своего апогея в аисторических конструкциях Шопенгауэра. И как следствие реализации именно этой модели развития как в начале, так и в конце классического идеализма в лице Канта и Шопенгауэра, теоретическая философия не становится исторической.

Историзм Фихте, Шеллинга и Гегеля не оказался востребованным духом своего времени и последовавших за ним событий. Здесь необходимо заметить, что творчество Фихте, в том числе и по части исторической философии, было заслонено Гегелем, а историософские построения Шеллинга на столетия опережали своё время. Что касается Гегеля, то теистическая составляющая его философии могла быть реализована или на ином онтологическом уровне, или же хотя бы на том этапе общественного развития, когда рабство человека у экономики уже оказывается снятым, оказывается преодоленной ступенью

изживших себя форм жизнедеятельности общества. Именно по этой причине атеистическое порождение гегельянства — марксизм сыграл решающую роль в дальнейших судьбах мировой истории. И в этом был дан высший смысл истории на данном судьбоносном отрезке времени, ибо только освобождение от рабства экономики может привести к эмансипации духа, только первое делает возможным второе. Этот судьбоносный для человечества вопрос марксизм прозрел во всей его глубине. И даже если марксизм свёл бытие человека к материальной субстанции и оттуда вывел в качестве её порождения феномен духовности, всё равно ему удалось совершить революционный прорыв. В искромсанной материализмом идее развития находилось христианское понимание тела как сосуда духа, понимание неразрывной связи материального и духовного и принципиальной невозможности дематериализации человеческого духа. Спиритуалистические наслоения внутри идеализма деформировали христианскую идею материи как сосуда Божества, и духовность бессильно повисла, так и не перейдя из своего потенциального состояния в актуальное. Но главное, что не смог сделать идеализм — это лишить классовую эксплуатацию видимости религиозного оправдания. Последнее обстоятельство имело роковые последствия для всего последующего периода истории.

Задачи эпохального значения были поставлены и решены марксизмом. Искони присущий ему (через классический идеализм) эсхатологический дух сыграл решающую роль в преобразовательной деятельности неслыханного ещё в истории масштаба. Впервые была сделана попытка освободить человека от рабства экономики, что в идеале должно было привести к совершенно новому состоянию, когда овеществлённость труда путем трансформации переходила в одухотворённость вещей как таковых. Реализация этого проекта должна была настолько изменить само качество жизни, что можно даже говорить применительно к этому состоянию о новом уровне бытия, или по крайней мере о том, что непосредственно ему предшествует. Именно поэтому необходимо констатировать метафизический характер Марксова преодоления буржуазного способа производства, что в исторической проекции означало начало перехода от экономической к хозяйственной деятельности. Метафизичность Маркса дана в его философии истории, которая посредством Гегеля и Шеллинга в новых исторических условиях переходного глобального времени и его преобразования оказывается потенцированной заданностью метафизического знания как такового, т.е. философия истории и есть метафизика для этого переходного периода, который также может быть обозначен как завершение антропоцентризма и начало эпохи историоцентризма. Важно также определить историческую онтологию как метафизику на стыке замены антропоцентризма историоцентризмом, поскольку только в этот период раскрывается ноумен истории как её софийность. Это означает, что потенциально вся Вселенная оказывается мастерской человека, а через труд, ставший теургическим действием, т.е. творчеством, происходит одухотворение материального бытия как такового.

С.Н. Булгаков абсолютно прав, что в Тезисах о Фейербахе Маркс ставит проблему философии хозяйства. Причём философия хозяйства у Маркса выступает в качестве стержневой составляющей всей исторической философии, т.е. эта проблема оказывается поставленной в своих предельных метафизических

основаниях. Логически завершая свои рассуждения о Марксе, великий мыслитель определяет Марксов материализм как первую попытку философии хозяйства. Именно метафизические интенции мысли, изначально присутствующие в философском мышлении Маркса, позволяют прийти к радикальным выводам, завершивших его мировоззренческое кредо. Речь идёт о переходе предыстории в историю и о замене необходимости свободой.

Историческое значение Маркса дано в том, что к конечным результатам философии истории он приходит не через абстрактно-спекулятивные построения, а путём раскрытия исторического характера хозяйственной деятельности, т.е. пребывая на почве конкретной метафизики. Только последнее обстоятельство делает возможным понимание труда, его феноменальную заданность в качестве метафизической значимости. По этой причине труд является материей истории, её каркасом, и одновременно её сущностью. Именно поэтому для Маркса и история и хозяйство заданы в своей изначальной целостности, в которой точка отсчета одной дана в другом, и наоборот. Укоренённость Маркса в философии истории Гегеля, которая даёт основание Булгакову назвать марксизм «перелицованным гегельянством», является следствием понимания Марксова исторического материализма как перевёрнутой формы теологического сознания. Гениальное Булгаковское положение о «неснимаемости исторической телеологии» в полной мере сохраняет свою силу применительно к историческим построениям Маркса.

Связь Маркса с Гегелем в философии истории имела прямое отношение также к мировому, абсолютному духу. В этом смысле идея абсолютного духа оставила печать также и на исторической философии Маркса. Если абсолютный дух Гегеля к осознанию самого себя должен был прийти в относительном, т.е. в человеке, который выступил своеобразным зеркалом для Абсолюта, то для Шеллинга природа выступает в качестве бессознательного духа, а сам дух является осознавшей себя природой.

Волей исторического духа «хитрость разума» реализовала идеи Абсолюта в историческом материализме Маркса, в каком-то смысле дойдя до самых низов материального бытия. И на это, как уже было сказано, имелись особые основания. Спиритуалистические построения идеализма оказались чуждыми духу историзма Фихте, Шеллинга и Гегеля.

Однако при всей огромной, местами даже роковой, значимости этого фактора не всё может быть сведено к нему и выведено из него. Речь идёт о том, что переходный период, достаточно длинный временной интервал от антропоцентризма к историоцентризму ознаменовался радикальными изменениями глобального характера, затрагивающими самую суть бытия. Впервые материя должна была быть одухотворена изнутри самой себя. Если раньше развитие реализовывалось по сценарию «высшее оплодотворяет собою низшее», то теперь низшее должно было самостоятельными усилиями само подняться к высшему. Рассуждая в духе Шеллинговых спекуляций, нужно сказать о том, что бессознательный дух природы, осознавая самого себя, реализовывал ту самую потенциальную заданность, которая ещё ни разу не была актуализирована. Болезненность и катастрофичность переходного периода от антропоцентризма к историоцентризму определяется этой «оставленностью»

материального мира, его предоставленности самому себе, когда материальное могло не только вскрыть высшее в себе, но и в полной мере отдаться своей низшей стихии. Причем эта метафизическая подвешенность материальности позволяла ей раскрыть те экзотические, экзальтированные данности в себе, придавая им особое «очарование» рафинированного разврата, своеобразного «одухотворения» животности наизнанку или же «очеловечивания» тех низших начал, которые ведут человека к его деантропологизации, потере себя, чего до этого в полной мере ещё не было никогда. Однако для прихода к новому необходимо пройти и этот этап, если даже он и чреват катастрофическими последствиями. Только пройдя весь этот путь, можно прийти к одухотворению вещей, и только после этого становится возможной реализация такой составляющей хозяйственной деятельности, когда она в своём эмансипированном от низших пут, преобразованном содержании выступает уже как проявление духовного творчества. Только лишив материальность низшего начала, можно прийти к её высшему состоянию и освободить человека от рабства экономики. И в этом отношении марксизм оказался совершенно безальтернативным для данного этапа исторического развития. В марксизме и через марксизм был совершён революционный прорыв к качественно новому состоянию человека, и, в его лице, всего остального мира.

Тотальность поставленных Марксом вопросов предполагает метафизическую предельность всего каркаса его мировоззрения, включая сюда, разумеется, и идеологию. Здесь сказывается существенное и даже главное отличие марксизма от позитивизма. Если в позитивистском способе миропонимания метафизика полностью сходит на нет под давлением эмпирической действительности, то в марксизме эмпирия изначально пронизана импульсами идеальных начал. В этой связи очень важно проанализировать Марксово положение об «общественном бытии, определяющем общественное сознание». Какова теоретическая основа данного положения? Вне всякого сомнения, «общественное бытие» по своему содержанию оказывается тождественным бытию в его предельном смысловом значении. Таким образом, речь в контексте этого теоретического постулата идёт о предельных основаниях бытия.

Такая метафизически изначальная заданность понимания бытия включает в него сознание как таковое. Также необходимо подчеркнуть, что так понятое «общественное бытие» не может быть интерпретировано исключительно и сугубо в материалистическом аспекте. Общественное бытие определяет общественное сознание в той же мере и с тем же смысловым значением, в каком оно само определяется им. Здесь нет механистического возвеличения одной стороны за счёт другой. Общественное бытие и общественное сознание, выходящие в своей метафизической данности к предельным основаниям бытия, должны быть поняты как принцип тождества. Последний предполагает диалектический характер их взаимодействия, где единство онтологической целостности реализует себя через различия. Историзм Маркса при всём внешнем материалистическом антураже «бытия, определяющего сознание» направляет последнее в русло спекулятивных рассуждений об историчности исторического.

В связи со сказанным необходимо привести замечательную мысль Лассалья, как бы заново озвученную С.И. Гессеном, о том, что частный классовый интерес пролетариата, совпадающий с интересом хозяйства, и есть интерес самого Духа.

Именно «интерес самого Духа» и «хитрость мирового разума» вкупе с радикализмом метафизического характера привели к тому, что прорыв неслыханной революционной силы, который навсегда изменил картину мира, оказался связанным с марксизмом. «Перелицованное гегельянство» (Булгаков) Маркса и Энгельса эмансипировало дух человека, сделав самые решительные шаги на пути к его освобождению от рабства экономики. Преобразование материального начала жизни путём преодоления её низшей стихии оказалось главным событием перехода от антропоцентризма к историоцентризму, без чего невозможным станет одухотворение мироздания как такового уже при историоцентризме. И первым по этому пути пошёл марксизм. Причём запал революционной энергии в марксизме оказался таким большим, что, начавшись в 1917 году, он растянулся до пятидесятых годов XX столетия.

Однако почему, в силу каких обстоятельств иссяк преобразовательный порыв марксизма, в результате чего произошёл временный откат истории? Какие причины лежат в самом марксизме, приведшие к таким последствиям? Это изначально данная недоговорённость и попытка соединить несоединимое — германский классический идеализм, французское просвещение и позитивизм — рано или поздно должны были разрушить эти эклектические конструкции. Швы несостоявшегося построения разошлись, и разошлись навсегда.

Выше уже было сказано, что произошедшие в метафизике благодаря марксизму пертурбации, с одной стороны сохранили её, а с другой существенно её же и изменили. Абсолютное Абсолюта было заменено на абсолютное материи. Однако такая метаморфоза для метафизики даром не пропала. Историческая ткань соткана из свободы и необходимости, имеющей характер идеальной заданности закономерности мира. Такое соотношение свободы и необходимости подразумевает абсолютное Абсолюта и может быть понято как диалектический процесс развития человека и мира в их высшем назначении. Данное в такой ипостаси абсолютное Абсолюта реализует себя как в свободной творческой деятельности людей, так и в данных Им возможностях развития самого мира. Именно по этой причине абсолютное Абсолюта является альфой и омегой истории, её началом и концом одновременно. Диалектический процесс развёртывания по существу теургического характера развития всего сущего оказывается неразрывно связанным с самим историзмом. Более того, вне контекста понимания заданной парадигмы принцип историзма не может быть реализован, при других духовных установках он просто не может существовать.

Как уже было сказано, необходимость самостоятельного возрастания материальности как таковой по восходящей линии предполагала такую историческую заданность развития, при которой абсолютное материи выходило на первую роль, заслоняя собою абсолютное Абсолюта. Такое положение вещей имеет объективный характер, однако оно чревато последствиями, поскольку даже занимая временно место абсолютного Абсолюта, абсолютное материи не становится онтологически самостоятельным принципом, миропорождающим началом, оно навсегда остаётся акциденцией. И вся опасность заключается в том,

что диалектическая парадигма заменяется на механистическую, как только абсолютное материи пытается полностью заменить собою абсолютное Абсолюта и даже отменить факт его существования. Абсолютное материи самим фактом своей данности оказывается диалектически неразрывно связанным с абсолютным Абсолюта, и поэтому отказ от этой диалектической связи ведёт не только к механицизму, но и крушению всей метафизической картины мира. Материя сама по себе не лежит у истоков появления духовности, духа как такового, она только в определённых ситуациях может стремиться к его ограничению. Но последнее заложено в принципе самого развития. Именно путём преодоления косности материи дух преобразует последнюю, и тогда она, оставаясь собою, в то же время одухотворяется и переходит на более высокий уровень бытия. Здесь можно привести замечательную мысль С.И. Гессена, высказанную в духе спекулятивных рассуждений Шеллинга и Булгакова о том, что «материя есть предел дезорганизованного бытия духа».

Таким образом, в этой точке отсчёта марксизм порывает с германской классической философией и уходит в сторону французского просвещения. Однако в этом процессе ухода от метафизики к рассудочному миропониманию он сближается с позитивизмом, что ещё в большей степени ослабляет интенции классической мысли и усиливает влияние просвещенческой парадигмы. Речь идёт о вопросе «что», метафизическом в своём основании, сближающем марксизм с философией Гегеля и отдаляющем его от позитивизма, поскольку последний был лишён понимания сакрального значения философии, выстраивающей линию онтологической всеохватности картины бытия. Тем самым вопрос «что», имевшийся в марксизме как напоминание о его гегелевском происхождении, девальвируется и если даже полностью не сходит на нет, то крайне минимизируется, по существу, уступая своё место наукообразному позитивистскому «как». Попытка с гегелевским размахом прийти к всеохватной картине мира с предельной нацеленностью на предельные основания завершается куда более скромными достижениями. В результате при всех отдельных успехах не удаётся не только сформировать спекулятивное естествознание, но и остаться на уровне натурфилософских изысканий Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и Шопенгауэра.

Именно отказ от метафизики в пользу «методологии» путём сведения на нет всеохватного по степени своей тотальности отношения к миру приводит к обесцениванию, а потом и к сходу на нет грандиозного проекта преобразования мироздания как такового, поскольку последний уже не соответствует духовным установкам позитивизма с его «обглоданностью бытия». Речь идёт о знаменитом Марксовом положении «философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». «Ограничительные межи» позитивизма перетянули канат на свою сторону в тяжбе с метафизическими основаниями гегельянства в марксизме. Однако последнее обстоятельство имело очень большие последствия не только для идеологии, но и философии марксизма в целом. Тем самым были открыты просвещенческие шлюзы в марксизме. Если до этого положение «общественное бытие определяет общественное сознание» предполагало метафизическую данность с диалектическим содержанием, то после пертурбации, идущей через

позитивизм, оно сравнилось по содержанию с просвещенческим «бытием, определяющим сознание». Выхолащивание диалектического содержания Марксова положения привело к его предельному упрощению и заполнению новым смысловым значением. Отныне это положение могло быть понято только в духе просвещенческой парадигмы: низшее материальное начало как таковое является онтологическим принципом, порождающим сознание. Речь в данном случае идёт не об одухотворении материи, а о порождении духа материей. Место диалектической взаимосвязи духа и материи, формы и содержания заменяется механистическим принципом миропонимания. А это привело к подрыву сознания со всеми вытекающими отсюда последствиями для бытия. Диалектическая взаимосвязь сознания и бытия предполагала тот единственный вариант, при котором становление новой картины мира неразрывно связано с принципом развития личности, при котором созидание одновременно является и целью и смыслом её существования. Однако перешедшая дорогу метафизической парадигме парадигма просвещенческая временно сорвала этот вариант развития, сменив его на ограничение деятельности личности заданностью потребления. Это означало «увечивание» буржуазных форм жизнедеятельности и обеспечение господствующего положения либеральной идеологии на неопределённо долгое время. Одновременно это было началом победы просвещения над германским идеализмом в марксизме, что привело к постепенному затуханию его революционного порыва и неспешному, но тем более неуклонному его сближению с либерализмом на базе механицизма и материализма. Именно по этой причине философское обоснование социализма как универсального мировоззренческого кредо тоже сходит на нет. Телеология истории, её высший смысл, данный даже в секуляризованном варианте, доведённом до атеизма, и определяющий собою смыслополагающие этапы общественного развития, тоже оказывается за бортом. Обоснование необходимости социализма уже рассматривается сквозь призму экономической целесообразности. Отныне и на все оставшиеся времена победа нового строя своё высшее подтверждение получает только в экономической необходимости, гарантирующей его победу над капитализмом. И здесь «забывается маленькая деталь», определяющая собою всё. При нынешнем уровне развития мира социализм не сможет полностью взять верх над капитализмом исключительно только в экономической сфере деятельности. При всех своих совершенствах и объективно данных недостатках социализм не сможет это сделать сегодня. Для социализма даже в его несовершенной исторической форме качество жизни и отношение к человеку является целью, а не средством, в то время как при капитализме высокая производительность труда обеспечивается в первую голову безудержной эксплуатацией, когда человек выступает в качестве средства и из него выжимается всё.

Именно поэтому очень важно подчеркнуть, что в переходный период от капитализма к социализму последний подтверждает свою правоту перед первым не столько экономическими показателями, сколько отношением к человеку как к цели, а не как к средству. Что касается самой производительности труда, то этот вопрос будет решён на ином этапе истории, после окончательного преодоления просвещенческой парадигмы. Это означает следующее. Личность

должна быть выведена за пределы потребления, и только после замены потребительских установок на созидание перед нею откроются бескрайние просторы исторического развития вплоть до возможности перехода на новый уровень бытия.

Однако духовные установки просвещения начисто лишены эсхатологических начал, в них (установках) по определению не может быть места сакральному пониманию истории. Разум просвещения, а по существу, его рассудок нацелен на реализацию либеральных рецептов трансформации мира в царство буржуазного довольства с конечной целью построения общества всеобщего потребления. Далекое не случайно иконой просвещения был не кто иной, как Локк. В результате борьбы «прогрессивного» мировоззрения с «поповщиной» за бортом оказалась не только религия, но практически весь идеализм, что и привело к предельному упрощению и без того лишённого сложности линейного прогресса.

Для марксизма попытка соединения несоединимого — историзма с «прогрессивными» установками просвещения — оказалась роковой. И если в XIX столетии этот катастрофический «сплав» был ещё не виден, а в XX он вроде бы реализовался, то в XXI веке уже явственно осознаётся роковая роль просвещения, насильственно втиснутого в рамки историзма. Эпохально симптоматично, что построение «общества потребления» в его окончательном виде и тотальной заданности с уже открыто присутствующим оккультным материализмом имело место после контрреволюционного переворота 1991 года, на стыке веков и в первые десятилетия XXI века. Отсюда и следует пресловутая завершённость, отменённость истории с явной претензией на «постисторичность».

Что касается советской модели социализма, то уже с исторической дистанции можно однозначно утверждать, что эти два принципа никогда не действовали вместе. Революционные события начала XX века, всколыхнувшие всю Россию, превратившие народ из пассивного объекта в активного субъекта истории, были движимы эсхатологическими импульсами. Они и сделали возможным немислимое с рассудочной точки зрения: отвели от бездны страну, индустриализировали её в кратчайшие сроки, победили в самой страшной войне и выдвинули советский проект в качестве альтернативной модели для всего человечества в противовес американизму. Однако с середины пятидесятых годов XX века эсхатологическое понимание истории вполне заменяется просвещенческой парадигмой, на основе которой происходит новое сближение с Западом. Попытка «догнать и перегнать Америку», оставить позади себя по экономическим показателям ведущие страны капитализма выхолостили дух истории и заменили его «бытием, определяющим сознание» (Марксово «общественное» бытие в этой метаморфозе куда-то запропастилось), подготовили радикальную почву для будущего отката. Здесь произошло то самое уравнение, которое уже делало неизбежным грядущий контрреволюционный переворот. Историческое измерение с его глубиной и ответственностью за будущее заменялось вечным сегодня, отменяющим и вчера, и завтра и претендующим на некое увековечивание самой самости «сегодняшности» на неопределённо долгое время. Единственное, что при таком уже открыто данным

окультурном материализме оставалось, это создание и потребление материальных благ и нацеленность на пребывание в этой «сегодняшности» с максимальным комфортом не только для тела, но и души.

Конечно, если анализировать в совокупности исторической конкретики, то к сказанному нужно добавить также другие, и тоже очень серьезные, оставшиеся неразрешимыми проблемы. Однако главная метафизическая причина крушения первой фазы социализма детерминирована этими обстоятельствами.

Каковы все же последствия Октябрьской революции и грядущие возможности для временно прерванного пути? Октябрь предотвратил дальнейший распад России, начатый в период позднего царизма и при Временном правительстве. Распавшуюся на шестьдесят частей Россию не только удалось вновь объединить в единое целое, но и создать мощное постимперское образование, основанное на коллективистских принципах и в идеале продвигавшееся в сторону соборных начал. Россия только в советский период своей истории смогла начать на равных диалог с Западом, выдвинув свой собственный проект как универсалистскую идею для всех.

Что касается остального мира, то значимость этого события и для него действительно велика. Впервые в истории как будто заново была создана общественная собственность в грандиозных масштабах. Забытая и одновременно качественно новая форма собственности (до этого бывшая только общинной), вдруг не только оказалась реально существующей, но и сделала большие успехи в своём историческом становлении, несмотря на исключительно неблагоприятные обстоятельства, при которых ей приходилось реализовываться. И на этом пути у неё было больше достижений, чем неудач, а временное поражение обусловлено идейными причинами и духовным сломом идеологии, не оказавшейся на высоте поставленных задач. Как прямое следствие революционных преобразований, после Октября пала колониальная система и, невзирая на временную победу капитализма, сокращён срок его пребывания в истории. Начался отсчёт его конца.

Здесь остается выяснить, каковы перспективы дальнейшего развития в заданном Октябрем направлении? Исходя из общих тенденций становления картины мира, с точки зрения исторической философии весьма вероятен тот вариант, при котором прерванный путь опять могут в новых исторических условиях и на ином витке исторического развития вновь продолжить Россия, славянские народы и народы Восточной Европы. И на это имеются очень серьезные основания. Картина будущего, общий вектор исторической перспективы переносится из Западной Европы в Восточную Европу и Россию. Более того, такой ход событий диктуется необходимостью выживания и сохранения величия западноевропейской цивилизации и её дальнейшей трансформации в романо-германо-славянский культурно-исторический тип. Данное обстоятельство в своих основаниях обусловлено не формационной необходимостью в т.н. чистом виде, а тектоническими сдвигами цивилизационного характера, определяющими собою долгосрочную историческую перспективу. В этой связи необходимо также отметить ещё не использованные потенциальные возможности восточно-христианского мира,

которые при реализации определённых тенденций не только смогут вывести его на качественно новый уровень развития, но вслед за ним и всё человечество.

Что касается западного сообщества, то оно исторически не заинтересовано выйти к новым рубежам, а попытается на веками устоявшейся старой платформе сохранить своё былое величие и, главное, господствующее положение в мире. Однако сохранить всё это без качественной трансформации уже изживших себя оснований не получится. Реализация себя в ином состоянии и есть трансформация западно-европейского мира в восточно-европейский. Что история движется именно в этом направлении, свидетельствуют события начала XXI столетия. После поражения дивергентного социализма народы Советского Союза и Восточной Европы были отброшены в XIX столетие. Никакого синтеза на старых началах достичь не удалось, и более того, эти народы стали стремительно превращаться из субъектов истории в её объекты. Речь идёт уже о том, что при таком положении вещей они лишатся статуса исторических народов с превращением в этнографический материал и окончательным схождением с исторической арены.

История ещё раз повторяется на судьбоносно важном своём этапе. Подобно тому, как с 1861 по 1917 годы всемирная история гигантски убыстрилась, что позволило России, во многом минуя классические формы капитализма и лишь соответствуя некоторым их параметрам, прорваться вперёд, увлекая за собой остальных, события последних десятилетий делают необходимым трансформацию современной цивилизации во что-то новое через формационный переход от капитализма к более совершенным формам социализма. И в этой необходимости дан дух истории, осмысления её субстанции как деятельности высшего Разума.